

Евгеньева Н.А.

Оренбургский государственный университет

E-mail: wort08@mail.ru

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ КАМПАНИИ ГЕРМАНСКОГО ВЕРМАХТА В ЗЕРКАЛЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Утверждение о высокой роли художественной информации в формировании общественного сознания носит аксиоматичный характер. В этой связи тема отражения в литературе Германии второй половины XX – начала XXI веков исторической памяти о русской кампании вермахта обретает в условиях навязанной России извне информационной войны исключительное значение.

В фокусе исследования, проведённого в русле взаимодополняющих историко-теоретического и тезаурусного подходов, находилась систематизация авторских позиций в аспекте трактовки темы вины за преступления, совершённые германской армией на оккупированной советской территории. Было выделено четыре группы произведений. К первой группе относятся тексты, в которых война на Восточном фронте не занимает значимого места и является лишь декорацией, на фоне которой разворачиваются другие жизненные драмы. Вторая группа представлена авторскими работами, в центре которых оказывается не сама война как социально-историческое явление, а её видимые негативные проявления. Третья группа объединяет произведения, в которых национал-социалистическая война на уничтожение представлена как немецкая национальная трагедия, а обычные граждане – как жертвы высшей государственной политики. В произведениях четвёртой группы жертвами событий на советско-германском фронте признаны обе воюющие стороны.

Анализ проблемы отражения в послевоенной немецкой художественной литературе исторической памяти о войне против СССР позволил выявить разнородную картину авторских позиций в отношении вопроса о признании вины за преступные деяния германской армии на Восточном фронте. В качестве преобладающей выделена тенденция ухода от ответственности за осуществление на оккупированной территории тактики «выжженной земли».

Ключевые слова: война, преступление, ответственность, литературное произведение, историко-теоретический подход, тезаурусный подход, дискурс жертв.

Настоящее исследование вызвано к жизни недооценкой в официальной политике и культурной памяти Германии ущерба, нанесённого во время Второй мировой войны гражданам захваченных советских территорий. Факты, свидетельствующие о бесчеловечном характере нацистского оккупационного режима в СССР, до сих пор не стали достоянием широкой немецкой общественности. В основе идеи всегерманского покаяния, приобретшей со временем стандартный и даже несколько стёртый характер, лежит положение об искуплении вины в первую очередь перед еврейским народом, ответственность же за преступления на Восточном фронте является в данном контексте непопулярной темой.

Свою роль в создании существующей социополитической ситуации играет в том числе художественная литература. Большинство беллетристических изданий послевоенной Германии подчёркивает в связи с событиями на советско-германском фронте роль немцев как жертв глобальных обстоятельств. Требование исторической объективности и сохранения национального достоинства россиян, а также необходимость создания общественно-политических основ для участия Российского государства и его граждан

в межкультурном диалоге на паритетных началах обуславливают критичное отношение к так называемому «дискурсу жертв» в немецкой послевоенной литературе.

Исследование проводилось в русле взаимодействующих по принципу дополнительности историко-теоретического и тезаурусного подходов. Систематизация авторских позиций в аспекте трактовки темы реализации национал-социалистической политики на Восточном фронте позволила выделить четыре группы произведений.

К первой группе относятся тексты, в которых война не занимает значимого места и является лишь декорацией, на фоне которой разворачиваются другие жизненные драмы.

Ярким примером реализации подобного подхода служит роман Г. Грасса «Жестяной барабан» (1959), изображающий в пародийно-гротескном виде историю Германии XX века. Главный герой Оскар Мацерат, жестокий и безжалостный уродец, ведёт повествование о своей семье, ставшей свидетелем зарождения и процветания фашизма. Герой достаточно правдиво рисует эпоху, в которой люди попирают моральные нормы, разоряют и расстреливают;

он как бы «выстукивает» историю своей страны на барабане. При этом события на Восточном фронте Второй мировой войны упоминаются нарратором лишь вскользь, «заглушаясь» рассказами о более привлекательных для него повседневных делах: «В январе сорок третьего было много разговоров про город Сталинград. Я уделял событиям в этом далёком городе не больше внимания, чем другим городам, известным мне из экстренных сообщений, ибо для Оскара сводки вермахта и экстренные сообщения служили своего рода уроками географии» [3].

К первой же группе относятся произведения, в которых Вторая мировая война как явление обходится почти полным молчанием, невзирая на тот факт, что хронология событий не позволяет скрывать временные рамки той или иной сюжетной линии.

В качестве примера может служить автобиографический семейный роман-хроника лауреата Немецкой литературной премии 2011 года О. Руге «Во времена убывающего света». Автор описал в основных чертах охватывающую почти весь XX век историю четырёх поколений своего рода, некоторые члены которого в период с 1949 по 1989 годы принадлежали к восточногерманской номенклатуре. Смысл названия – постепенное угасание силы сияния социалистической идеологии – заставляет непредвзятого читателя задуматься о том, что с мотивом «убывания света» могут ассоциироваться куда более трагические вещи в истории Германии, чем козни ШТази и неэффективность экономики ГДР. Вторая мировая война эпизодически упоминается в контексте фронтового прошлого Ирины, русской жены представителя среднего поколения, бывшего советского политзаключённого Курта Умницера.

Из детских воспоминаний Александра, сына Курта и Ирины: «С другой стороны, мама воевала против немцев.

– Ты кого-нибудь застрелила?

– Нет, Сашенька, я не стреляла. Я была санитаркой.

И всё-таки он наполнялся гордостью: его мама выиграла войну. Немцы проиграли. Папа, странным образом, тоже был немцем» [15, С. 78-79].

А вот взгляд из благополучной, но, увы, так и не ставшей счастливой германской жизни

Ирины, в суровое, полное лишений и испытаний прошлое: «И пока с грюнколя в мойку стекла вода, воспоминание снизошло на неё как озарение и показалось страшным сном: она в самом деле была настолько ослеплена, что готова была в любой момент умереть за эту родину: За Родину, за Сталина! Ура!» [15, С. 250].

Вторая из выделенных нами групп произведений представлена авторскими работами, в центре которых оказывается не сама война как социально-историческое явление, а скорее её видимые негативные проявления, неперенные её «атрибуты».

Показательным в этом плане является творчество Г. Бёлля. Преобладающее количество рассказов писателя посвящено трагической судьбе немецких юношей, по большей части вчерашних школьников, которые оказались исторгнутыми из привычного хода жизни и призваны в ряды армии для того, чтобы убивать и быть убитыми. Физически изнуренные и морально истощённые, они не в состоянии проникнуть в социальную природу войны и ощущают себя инструментом, с помощью которого высшее командование пожирает лавры. Рассказ «Тогда в Одессе» (1961) повествует о последней ночи трёх солдат-новобранцев перед отправлением на фронт. Самовольная отлучка помогает молодым людям немного отвлечься от выпавших на их долю испытаний и несколько преодолеть страх перед тем, «что завтра будет хорошая погода» и их «наконец перебросят в Крым, на верную смерть». Жизнь в казарме сравнима с жизнью в тюрьме: грязь, смрад, вши, постоянно дежурящие у грязной ограды постовые. Помимо гнетущей атмосферы в казарме царят несправедливость и произвол, которые олицетворяет собой интендант-счетовод, одетый в тёплый, предназначенный для фронта полушубок, в то время как солдаты «дьявольски мёрзнут» и испытывают неудобства в униформе, сшитой из грубой, колючей ткани. Питание в казарме скудное: упоминаются только хлеб и суррогатный кофе. Убежище от страха, холода и голода молодые солдаты находят в самом обычном трактире на окраине Одессы, атмосфера которого по контрасту с мрачным, жестоким миром казармы представляется им почти волшебным, сказочным миром, полным света и тепла. Здесь, в трактире, наслаждаясь жареным, ещё дымящимся, почти сладким мясом, обжигают

щим шнапсом и тёмным, густым пивом, а также доброжелательным отношением старших товарищей, они вновь чувствуют себя не безликим инструментом войны, а обыкновенными, беззаботными, не отягощёнными мыслями о войне и смерти молодыми ребятами. За то, чтобы в полной мере испытать это далёкое от страшной действительности ощущение, обречённые на гибель не жалеют ни денег, ни ценных вещей, т. к. в глубине души осознают безысходность своей судьбы. Мастерски созданная автором картина трагедии немецких новобранцев обладает суггестивным воздействием: охваченный состраданием к героям читатель, как правило, совершенно упускает из виду тот факт, что в данной ситуации угроза смерти в не меньшей мере нависла над исполняющими долг защитников Отечества русскими солдатами.

Конфликт «человек и война» также находит яркое отражение в малой прозе В. Борхерта. В произведениях, действие которых разворачивается на Восточном фронте, особое место занимает мотив страданий немецких солдат, вызванных непривычными для уроженцев Западной Европы особенностями русской зимы. В изображении природного феномена автором достигнута крайняя степень персонификации: русская зима в рассказах В. Борхерта предстаёт как алчущее крови и смерти чудовище.

Ярким примером служит рассказ «Снег, снег и снег» (1947). В центре повествования – молодой, необстрелянный солдат, который находится в противостоянии с некими враждебными, неосознаваемыми им в полной мере силами, воплощёнными в бесконечном просторе, немой тишине, ослепительно белом, трескучем снеге. Образ главного героя отличается схематичностью; эта неопределённость неслучайна и явно носит обобщающий характер, что подтверждается введением дополнительного персонажа – выдавшего виды фельдфебеля, который разделяет и, более того, вербализует неясные, смутные страхи новичка. В конце рассказа оба воина – и молодой, и более искушённый – предаются истерическому смеху, который является выражением отчаяния и безысходности перед лицом огромного, чуждого им пространства, загадку которого им не дано разгадать.

Третий пласт послевоенной немецкой литературы объединяет произведения, в которых

национал-социалистическая война на уничтожение представлена как немецкая национальная трагедия.

Роман Г. Грасса «Траектория краба» (2002) проникнут тревожным беспокойством в связи с живучестью нацизма и содержит эмоциональный призыв не забывать уроков истории, выраженный уже во введённом заглавием образе: «Придётся опять совершить траекторию краба: вернуться назад, чтобы продвинуться вперёд» [4, С. 117].

Следует, однако, уточнить: девиз „Nie wieder!“ (Никогда снова!) актуализируется в рамках сюжета романа, главным образом, в связи с вопросом геноцида евреев. Отношение к потерям со стороны Советского Союза остаётся весьма неоднозначным.

Одна из нескольких переплетающихся сюжетных линий романа связана с историей потопления суперлайнера «Вильгельм Густлофф» – гордости немецкого флота – экипажем советской подводной лодки С-13 под командованием Александра Маринеско. Тот факт, что на борту судна находилось несколько тысяч беженцев, позволил в годы холодной войны квалифицировать «атаку века» как военное преступление. Однако исследователь катастрофы Хайнц Шён пришёл к выводу, что «Вильгельм Густлофф» являлся законной военной целью, так как не имел соответствующих опознавательных знаков, нёс на борту вооружение, шёл в сопровождении боевого корабля флота Германии, а также по некоторым другим причинам. Г. Грасс описывает мероприятие по случаю 50-летия со дня трагического события в 1995 году, которое было открыто докладом Хайнца Шёна «Гибель «Вильгельма Густлоффа» – глазами русских». Докладчик дал понять, что поддерживает дружеские связи с тем самым Владимиром Курочкиным, который по приказу командира отправил в цель три торпеды. «После доклада его избегали. Многие слушатели сочли его русофилом. Для них война никогда не кончалась. Для них русские оставались «Иванами», а три торпеды – орудием убийства. А для Владимира Курочкина безымянный потопленный корабль был до отказа забит фашистами, напавшими на его родину и оставлявшими за собою при отступлении выжженную землю» [4, С. 113]. В романе много говорится «о страданиях бе-

женцев из Восточной Пруссии: о потоках людей, движущихся по зимним дорогам на Запад, о зачехленных трупах в сугробах, о людях, погибавших в придорожных кюветах или в проломленном льду», о том, что «всё больше людей срывалось с места, гонимые ужасом мести, которые несли русские, и шли по бесконечным снежным полям... Беженцы... Белая смерть...» [4, С. 113]. В концентрированном виде отношение немецкого населения к основному противнику отражено в следующих словах: «В те дни, когда Неммерсдорф стал олицетворением всех ужасов, привычное презрение к русским сменилось страхом» [4, С. 117]. Ранее следствием презрения к славянским «недочеловекам» стало 13 миллионов жертв фашистской оккупации (среди мирного населения!) на территории Советского Союза. Так стоит ли удивляться тому, что волна «ярости благородной» докатилась «до самых вражеских ворот»?

В обозначенном ряду следует также назвать произведения, в которых Вторая мировая война и, в частности, война на Восточном фронте изображена как катастрофа, за которую несут ответственность власть предержащие, а малые мира сего являются только жертвами высшей государственной политики и нуждаются в понимании и прощении.

Главный герой романа У. Хан «Нечёткие контуры» (2003) – бывший рядовой участник «Русского похода», в мирное время преподаватель древних языков Ханс Музбах – по побуждению своей дочери Кати обращается к воспоминаниям о военном прошлом. Поводом для долгого и непростого диалога отца и дочери является тот факт, что Катя, как ей кажется, узнаёт своего отца в качестве участника казни партизан на одном из снимков выставки «Преступления вермахта». Вначале господин Музбах утверждает, что вообще не придаёт большого значения экспонатам выставки, считая представленные факты единичными, нетипичными явлениями. Лично у него с войной на Восточном фронте связаны иные ассоциации и образы: «Поверь мне, в наибольшей степени мы были запуганными наблюдателями. За исключением нескольких фанатиков, мы хотели только одного: выжить. Не забывай: Хуго и я, мы никогда не были добровольцами! Я никогда не выбирал Гитлера! В России я был заложником сво-

ей собственной страны» [14, С. 107]. Местное население воспринимается рассказчиком как некая часть природного ландшафта, он не задумывается о том, что принадлежит к армии захватчиков, вторгшихся в чужое жизненное пространство. И уж совсем некстати союзником противоборствующей стороны становится русская зима: «Холод нас парализовал. Автомобили не заводились, кони умирали. Что же говорить о нас самих: начиная со ступней всё тело было как мёртвое, бесчувственное. Мы надевали на себя всё, что только у нас было. А что у нас, собственно говоря, было? 'К рождеству, по словам фюрера, мы уже будем дома', говорил генерал в своей приветственной речи. Мы слышали, что на родине для нас собирали тёплые вещи. Они дошли до нас только к концу зимы. Стальные гвозди в подошвах наших сапог были хороши-ми проводниками холода, шерстяные подшлемники под воздействием выдыхаемого воздуха превращались под касками в твердокаменные ободки. А у русских были меховые шапки и ватники. Они ведь здесь были дома. Могли носить валенки, рукавицы и бесшумно скользили нам навстречу на лыжах в белых маскировочных халатах» [14, С. 107-108]. Эти сетования могли бы показаться откровенно комичными, однако постепенно выясняется, что привычные штампы в полной мере не отражают «русский опыт» рассказчика. Музбах признаётся в том, что на самом деле участвовал в экзекуции под дулом направленного в его спину пистолета, однако, не будучи по природе безжалостным убийцей, после совершения выстрела потерял сознание. Придя в себя, но находясь ещё в шоковом состоянии, он убивает эсэсовца, который сделал его участником расстрела, и сбегает с девушкой-партизанкой. Пребывание в партизанском отряде в качестве пленного неожиданно становится для Музбаха единственной светлой страницей его военного опыта, – прежде всего в свете романтического чувства к спасённой им девушке Вере, но и в значительной степени под впечатлением того высокого морального духа, который владеет всеми членами отряда: «Я не знаю, верили ли эти люди в Москву, Сталина, коммунизм. Несомненно было одно: они не нуждались в навязанных извне идеях. Они хотели, как и прежде, быть хозяевами своей земли, своих сёл и городов, снова быть у себя

дома, это и означало для них: защищать отечество. Их вера в смысл своей борьбы была незыблема, и поэтому они были морально бесконечно выше нас» [14, С. 222]. Однако после того как партизаны уходят и оставляют пленного целым и невредимым для того, чтобы он возвращался туда, откуда пришёл, это высокое понимание постепенно гаснет в суровых условиях выживания среди остатков беспорядочно отступающей, потерявшей всякую нравственную опору армии. Квинтэссенция дискурса «рядовых исполнителей приказов» заключена в словах „immer dagegen und doch immer dabei“ (всегда против и всё-таки всегда сопричастны) [14, С. 59], которые становятся лейтмотивом всего романа. Катя, по всей видимости, alter ego автора, пытается представить себя на месте втянутых в войну невольных жертв нацистской пропаганды в описанных отцом экстремальных ситуациях. Ей это не удаётся, поскольку такие инициативы вообще противны человеческой природе: никому не дано знать, как он поведёт себя в условиях выбора, идущего вразрез с адекватными психологическими установками. Катя прощает отца, поскольку приходит к выводу: ни у кого нет права судить другого, если он сам не был поставлен перед лицом необходимости подобного сурового выбора.

В произведениях четвёртой группы жертвами событий на Восточном фронте признаются как немецкие, так и советские граждане. Следует отметить немногочисленность сочинений подобного рода; тем более значимой представляется роль писателей, которые в борьбе за историческую объективность становятся на защиту интересов советских граждан, ставших жертвами фашистского режима.

Особого внимания заслуживает ставший классическим роман Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» (1954) благодаря ясности авторского отношения к вопросу об истинных инициаторах и жертвах Второй мировой войны. Такое произведение, конечно, могло быть создано и опубликовано только в условиях эмиграции. Как это всегда бывает у Ремарка, основное внимание уделяется не столько событиям, сколько судьбе отдельного героя, в чьём лице находит отражение жизнь целого поколения. Несмотря на то, что описываемая война не стала частью судьбы писателя, ему удалось создать точный

образ простого солдата, которого рефлексия над пережитым приводит к отказу от исполнения функции винтика фашистского механизма.

Ремарк лишён иллюзий относительно гуманистических устремлений обеих противоборствующих сторон: на войне как на войне. Действие романа начинается с описания расстрела партизан: для главного героя Эрнста Гребера – это неприятная, но вполне рутинная работа. В конце романа радикально изменивший своё мировоззрение Гребер отпускает на свободу четырёх партизан, для чего ему предварительно приходится убить служащего немецкой армии, – и получает в ответ на своё великодушное смертельный выстрел.

Ремарк неоднократно подчёркивает: диалектика вещей такова, что прямо противоположные начала – такие, как жизнь и смерть – находятся в постоянной взаимозависимости и непрерывном взаимодействии. Гребер в беседе со своим бывшим учителем Польшманом пытается выяснить меру собственной вины в происходящем. «Но скажите, с чего начинается соучастие? <...> С какой минуты то, что принято называть героизмом, становится убийством? Когда перестаёшь верить, что оно оправдано? Или что оно преследует разумную цель? Где тут граница?» [9, С. 349]. Эти искания оформляются в извечный вопрос «что делать?»: «В какой мере я стану соучастником, если я знаю, что не только война проиграна, но мы должны её проиграть, чтобы было покончено с убийством, рабством, концлагерями, эсэсовцами и штурмовиками, массовым уничтожением и бесчеловечными зверствами – если я это знаю и всё-таки через две недели вернусь на фронт и буду опять сражаться за прежнее?» [9, С. 349]. Гребер так и не вырабатывает чётко осознанной жизненной позиции – и в этом видится причина его нелепой гибели.

Ещё одним исключением в ряду произведений послевоенной немецкой литературы, посвящённых событиям на Восточном фронте, является роман У. Тимма «На примере брата» (2004). Смысл названия заключается в том, что автор на примере истории собственной семьи пытается сделать обобщающие выводы относительно ценностей и установок простых граждан Германии в период ведения захватнической войны. Источник информации в данном случае – днев-

ник Карла-Хайнца, старшего брата Уве Тимма, принимавшего участие в крупных сражениях на Восточном фронте, погибшего и похороненного на Украине близ Харькова. Автор цитирует выдержки из дневника брата, анализирует их и размышляет о войне и её виновниках. Скупые записи дополняются историческим знанием о страданиях мирного населения на оккупированной территории СССР. В отличие от названных выше авторов, для У. Тимма эта информация не только оказалась в зоне досягаемости, но и явилась объектом пристального анализа и эмоционального осмысления. Персонажи, которые в дневниковых записях брата предстают как абстрактные враги, для него оживают как люди со своими будничными заботами, наблюдениями, опасениями и надеждами. Помещённые ниже и данные в противопоставлении выдержка из дневника участника войны и её интерпретация автором являются свидетельством полного отсутствия какого-либо духовного родства между кровными братьями. «Заняли плацдарм над Донцом. 75 м от меня Иван курит сигареты, отличная мишень, пожива для моего МГ». – «Отличная мишень, пожива для моего МГ: это русский солдат, быть может, его ровесник... О чем он думал, этот парень? О том, что скоро ему сменяться? О чае, краюшке хлеба, о своей девушке, о матери с отцом? Облачко дыма, предательски расползающееся в пропитанном влагой воздухе, клочья талого снега, талая вода в окопах, первый нежный пушок зелени на лугах. О чем он думал, этот русский, этот Иван, в ту секунду? Пожива для моего МГ» [12, С. 16]. Не менее тягостное впечатление производит на автора обыденная запись о разорении домов местных жителей. «Разбираем печки в русских домах, чиним дорогу» [12, С. 90]. Между тем в приведённом выше письме к отцу Карл-Хайнц выражает горячее возмущение фактом бомбардировок родного Гамбурга союзниками. Мысль о равноценности потерь гражданского населения Германии и СССР просто не приходит

ему в голову. Компенсацию дефицита нравственности демонстрирует комментарий брата: «Но ведь эта разборка печей равносильна разрушению жилища. Что говорили им жители? Может, они плакали? В отчаянии пытались объяснить немцам, каково им будет зимовать без печек? А он записывает это просто так, ни на секунду не усматривая связи между разрушенными домами на Украине и разбомбленными домами в Гамбурге» [12, С. 90]. Объективная оценка предосудительных поступков горячо любимых близких людей дорогого стоит. Автор опубликовал свой художественно-документальный роман уже после того, как ушли из жизни его родители и сестра, очевидно, с заботой о том, чтобы через историю заблуждений одной семьи раскрыть перед поколением, только вступающим в жизнь, историю заблуждений целого народа.

Подводя итоги, отметим, что рамки статьи не позволяют сделать всеобъемлющий обзор литературного ландшафта Германии послевоенного периода на предмет отражения исторической памяти о «Русском походе». Однако следует подчеркнуть, что выборка интерпретируемых текстов носит репрезентативный характер, включая произведения авторов, принадлежащих к разным поколениям и обладающих мировоззрением, сложившимся в разных политических условиях.

Таким образом, анализ проблемы отражения в художественной литературе Германии второй половины XX – начала XXI веков исторической памяти о войне против СССР, проведённый в рамках взаимодействующих историко-теоретического и тезаурусного подходов, позволил выявить разнородную картину авторских позиций в отношении вопроса о признании вины за преступные деяния германской армии на Восточном фронте. В качестве преобладающей выделена тенденция ухода от ответственности за осуществление на оккупированной территории тактики «выжженной земли».

09.06.2015

Список литературы:

1. Бёльль Г. Тогда в Одессе: рассказ; пер с нем. // Г. Бёльль. Избранное. М.: Художественная литература. – 1989. – С. 478–482.
2. Борхерт В. Снег, снег и снег: рассказ; пер с нем. // В. Борхерт. Избранное. М.: Художественная литература. – 1977. – С. 140–141.
3. Грасс Г. Жестяной барабан: роман; пер с нем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/GRASS/baraban1.txt>.
4. Грасс Г. Траектория краба: роман; пер. с нем. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио. – 2004. 288 с.

5. Лазарев Л. «А по пятам война грохочет вслед...» (О «Траектории краба» Г. Грасса) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/9/>.
6. Луков Вл.А. Академик Д.С. Лихачев и его концепция теоретической истории литературы: монография. М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина. – 2011. 116 с.
7. Луков Вл.А. Персональные модели в истории литературы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: zpu-journal.ru/Понимание.../Lukov_models/?clear...
8. Платицына Н.И. Творчество Вольфганга Борхерта: взгляд из XXI века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libfl.ru/about/dept/bibliography/writers/2011/write11_04.php.
9. Ремарк Э.М. Время жить и время умирать: роман; пер с нем. // Э.М. Ремарк. Избранное. М.: А/О «Книга и бизнес». – 1992. – С. 217-500.
10. Солодилова И.А. Stilistische Textanalyse. Оренбург: ГОУ ОГУ. – 2007. 140 с.
11. Степанова Е. «Пожива для моего МГ»: современная немецкая литература о войне с Советским Союзом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/st18.html>.
12. Тимм У. На примере брата: роман; пер. с нем. М.: Текст. – 2013. 157 с.
13. Шнайдер Т.Ф. Воинствующий пацифист? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.em-remarque.ru/publ/voinstvuyuschiy-pazifist.html>.
14. Hahn U. Unscharfe Bilder: Roman. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. – 2005. 279 S.
15. Ruge O. In Zeiten des abnehmenden Lichts: Roman. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag. – 2011. 429 S.

Сведения об авторе:

Евгеньева Наталья Александровна, доцент кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка факультета филологии и журналистики Оренбургского государственного университета, доцент

460018, г. Оренбург, пр-т Побуды, д. 13, ауд. 4112, тел.: (3532) 372430, e-mail: wort08@mail.ru